

ния, на предвзятых суждениях о нескольких русских, живущих долгами в Париже. Наличие национального характера как силы, объединяющей власть и сословия, является в оценке г-жи де Сталь мощным импульсом для преодоления философических химер наполеоновского глобализма. В обширной литературе по Отечественной войне 1812 года не раз высказывалось подобное суждение, во многом навеянное публицистическими рассуждениями г-жи де Сталь о преимуществах деспотизма. Вот почему ее размышления о России заслуживают не снисходительного упоминания, а детального изучения для более полной реконструкции ментальной россики рубежа XVIII – XIX вв. и ее соотношения с подлинным историческим бытом Российской империи.

1. Мильчина В.А. Жермена де Сталь и ее «философическая география» // Сталь Ж., де. Десять лет в изгнании. М., 2003. С.22-23.

2. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С.6-10.

Солодкин Я. Г. (Нижевартовск)
С. В. Бахрушин о начале сибирского летописания
(историографические заметки)

Большинство современных исследователей раннего сибирского летописания держится на выводах одного из крупнейших отечественных историков XX в. С.В. Бахрушина.

В статье о воспроизведенных Семеном Ремезовым «туземных легендах» С.В. Бахрушин допускал, что Строгановская летопись (далее – СЛ) повлияла на Есиповскую или же они имели общий источник. Вместе с тем ученый полагал, что если даже Есиповская летопись (далее – ЕЛ) независима от более ранней СЛ, то последняя «ближе стоит» к этому источнику (1). Думается, однако, что М.Б. Шейнфельд не избежал преувеличения, считая, что в первой сибиреведческой работе С. В. Бахрушина «уже намечена в отдельных своих звеньях новая схема» развития летописания за Уралом, изложенная автором в его «Очерках по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.» спустя десятилетие (2). Скорее можно согласиться с заключением М.Б. Шейнфельда о том, что в статье, опубликованной в 1916 г., С.В. Бахрушиным предложено новое решение вопросов происхождения ранних сибирских летописей (3), аргументированное затем в «Очерках ...». Используя шахматовскую методiku текстологического анализа, ученый в этой книге пришел к выводу о том, что ЕЛ и СЛ восходят к единому протографу – «написанию» (далее – Н), врученному ветеранами «Ермакова взятия» «Закаменской страны» первому тобольскому архиепископу Киприану Старорушанину; тот на основе полученных «списков» составил синодик (далее – С) атаманов и

казаков, погибших при завоевании «Кучумова царства», и к данному «помяннику», опять-таки независимо друг от друга, обращались как владычный дяк Савва Есипов, так и безвестный строгановский «историограф» (4). Хотя вскоре после выхода в свет бахрушинских «Очерков ...» А.И. Андреев нашел, что ЕЛ и СЛ «все еще ждут своего исследователя» (5), обоснованная в данной монографии схема раннего сибирского летописания завоевала широкое признание. Однако далеко не всегда положения этой схемы точно передаются в литературе.

Так, порой утверждается, что согласно С.В. Бахрушину, обе ветви сибирского летописания («есиповская» и «строгановская») независимо друг от друга восходят к С (6). Но по заключению автора упомянутых «Очерков», самые известные произведения о походе Ермака вторичны относительно Н, легшего в основу С. (Последний С.В. Бахрушину был известен в редакции, сохраненной ЕЛ. В «Истории Сибирской» С.У. Ремезова, как заметила Е.И. Дергачева-Скоп, а также Г.Ф. Миллером использовался С иной разновидности). Впрочем, С.В. Бахрушин не считал, что в ходе создания «помянника» (Е.К. Ромодановская относит это произведение к агиографическому жанру) Н было лишь стилистически переработано (7). На взгляд ученого, при составлении С учитывались и «словесные дополнения» ермаковцев. А.М. Дубровский, излагая соображения С.В. Бахрушина о зарождении «исторической письменности» в Сибири, назвал С летописью (8). (Так оценивают «помянник» и Д.С. Лихачев с А.П. Ярковым). Но автор «Очерков ...», которого А.П. Окладников назвал «Нестором сибирской историографии» (9), вовсе не отождествлял С с летописью, хотя отмечал, что сочиненный Киприаном поминальный перечень атаманов и казаков далеко выходил за пределы записей такого рода, давая «схематичный очерк главных моментов похода». Следует отклонить и утверждение, будто С. В. Бахрушин первым обнаружил в ЕЛ ссылку на такой ее источник, как Н (10). О составившем «первооснову всего сибирского летописания» (по определению Е.К. Ромодановской) Н до появления «Очерков ...» указывали многие ученые со времен Г.Ф. Миллера (11), например, С.А. Адрианов, И.И. Тыжнов, В. С. Иконников, А. М. Ставрович. В представлении А.М. Дубровского Н, утраченное вслед за созданием ЕЛ, оказалось в результате текстологических наблюдений С.В. Бахрушина словно обретенным вновь (12). Едва ли можно согласиться с приведенной мыслью, тем более, что подобно В.Г. Мирзоеву и Е.И. Дергачевой-Скоп Н стоит считать весьма лаконичной казачьей «скаской», а протограф ЕЛ и СЛ, как выяснила И.Ю. Серова, был насыщен прямыми заимствованиями из Повести о Смутном времени и нестилизационными подражаниями этому сочинению, редактировавшемуся князьями И. М. Катыревым-Ростовским и С.И. Шаховским.

В.И. Сергеев, который считал, что суждения С.В. Бахрушина о зарождении сибирского летописания не лишены противоречий, полагал, что видный историк относил Н к 1621 г. (13). Но тогда (вернее, если следовать ЕЛ, в 1621/22 г.), – отмечалось в «Очерках ...», – казаки лишь принесли «списки» о походе «дружины» Ермака Киприану (а не его преемнику на тобольской архиерейской кафедре Макарию, как писал в статье о творчестве С.В. Бахрушина А.А. Преображенский (14). С точки зрения Сергея Владимировича, воспринятой Е.К. Ромодановской и А.Т. Шашковым, в действительности Н возникло не позднее начала XVII столетия. Вопреки мнению А.П. Богданова, выдающийся сибиревед был далек от признания этих казачьих «скасок», очутившихся затем в распоряжении Киприана, летописью, и, следовательно, отнюдь не датировал складывание летописной традиции в подчиненных тобольским администраторам зауральских уездах России исходом XVI в. (15). Нуждается в уточнении и взгляд, будто инициатором создания Н С.В. Бахрушин считал сибирского «первопрестолника» (16): последний лишь получил от ермаковцев их «списки», иногда принимаемые за воспоминания.

Протографом ЕЛ и СЛ в изображении Сергея Владимировича М.И. Наврот объявлялось не Н, а начало Нового летописца редакции 1629/30 г. (17). По заключению создателя «Очерков ...», две статьи этой официальной летописи, отведенные «Сибирскому взятию», однако, зависят от того же «первоисточника», что и ЕЛ, СЛ и С, т. е. Н (18), которое, таким образом, помимо Тобольска и строгановских вотчин стало известно в Москве. (Сходное мнение позднее высказывалось А.И. Андреевым).

1. Бахрушин С. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // Исторические известия. 1916. № 3 – 4. С. 19, 20.
2. Шейнфельд М.Б. Методология работ С. В. Бахрушина по истории Сибири // Вопросы историографии и общественно-политического развития Сибири XIX – XX вв.). Красноярск, 1976. Вып. 1. С. 112.
3. Шейнфельд М.Б. С.В. Бахрушин и историография Сибири советского периода: Уч. пос. Красноярск, 1980. С. 67.
4. Бахрушин С.В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 19 – 32. В главе, написанной С.В. Бахрушиным совместно с Н. В. Устюговым, однако, утверждается, что повесть Саввы Есипова послужила источником сочинения анонимного строгановского книжника (Очерки истории СССР: Период феодализма: XVII век. М., 1955. С. 588).
5. Андреев А.И. Труды Семена Ремезова по географии и этнографии Сибири XVII – XVIII вв. // Проблемы источниковедения (далее – ПИ). М.; Л., 1940. Сб. 3. С. 85.
6. Покровский Н.Н., Титова Л.В. Предисловие // Ромодановская Е.К. Избр. труды: Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 4.
7. Так была воспринята его мысль М.Н. Сперанским. См.: Сперанский М.Н. Повесть о городах Таре и Тюмени // Труды Комиссии по древнерусской литературе АН. Л., 1932. Т. 1. С. 25. Примеч. 1.
8. Дубровский А.М. С.В. Бахрушин и его время. М., 1992. С. 60, и др.
9. Окладников А.П. Предисловие // Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1977. С. 8.
10. Дубровский А.М. С.В. Бахрушин ... С. 61.

11. См.: Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 68. Относительно Г.Ф. Миллера на это обращал внимание сам С.В. Бахрушин, находя, что «отец сибирской истории» предвосхитил многие положения современной научной мысли, касающиеся возникновения летописания в зауральской части России.
12. Дубровский А.М. С.В. Бахрушин ... С. 62; Он же. Сергей Владимирович Бахрушин // Портреты историков: Время и судьбы. М.; Иерусалим, 2000. Т. 1. С. 197.
13. Сергеев В.И. Сибирские летописи // Советская историческая энциклопедия. М., 1969. Т. 12. Стлб. 823.
14. Преображенский А.А. Историк об историках России XX столетия. М., 2000. С. 48, и др.
15. Богданов А.П. Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И.Е. Забелина // Русская книжность XV – XIX вв. М., 1989. С. 198. (Тр. Гос. Ист. музея. Вып. 71).
16. См.: Яковлева А.М. Вопросы раннего сибирского летописания в исследованиях Е. К. Ромодановской // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Тюмень, 2003. Вып. 5. С. 150.
17. Наврот М.И. Окладная книга Сибири 1697 г. // ПИ. М., 1956. Т. 5. С. 190.
18. См.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 21; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 469.

Сухоносова С.В. (Екатеринбург)
Профилактика пожаров в Перми и Екатеринбурге
в конце XIX – начале XX в.

На рубеже XIX – XX вв. пожары были частым явлением во многих российских городах. Особенно остро эта проблема стояла в провинциальных городах (как уездных, так и губернских), где деревянная застройка существенно преобладала над каменной. Не составляли исключения и города Пермской губернии. По данным адрес-календарей Пермской губернии, в 1895-1903 гг. в Перми и Екатеринбурге случалось в среднем от 10 до 35 пожаров в год (1). Ущерб от этих бедствий был очень ощутимым, в отдельные годы - до 40-50% городского бюджета. Так, например, в 1901 г. в Екатеринбурге убытки от пожаров составили 104 тыс. 800 руб., то есть около 46,8 % городского бюджета (2).

Решение «пожарного вопроса» было во многом связано с рядом технических проблем (с приобретением нового оборудования для пожарных обозов, строительством водонапорных башен и локальных противопожарных водопроводов, совершенствованием работы пожарных команд, улучшением условий труда пожарных служителей).

Однако не менее важной была задача предотвращения пожаров и устранения основных причин их возникновения: преобладания в городах деревянных построек над каменными; нарушения правил городской застройки и правил пожарной безопасности для городских обывателей.

Вопрос о замене деревянных построек каменными не раз обсуждался как в Перми, так и в Екатеринбурге. Однако решить его оказалось непросто. По словам гласного Екатеринбургской городской думы Г.Ф.Казанцева, «было бы полезно в некоторых кварталах деревянные постройки заменить каменными, и не позволять возводить там вновь